

Ирина Рогимова

ЖАЖДА

19
ИМЕНА
ИМЕНА
ИМЕНА

НОВЫЕ ИМЕНА • 39

Ирина Рогнонова

ЖАЖДА

Рассказы

Оренбург, 2019

Эта книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей “Мы выросли в России”» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
Р 60

Ирина Родионова. Жажда. Рассказы. – Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2019. – 58 с.

© Ирина Родионова, рассказы, 2019 г.
© Издательский центр МВГ, 2019 г.

ЖАЖДА

Еще в детстве Ася дала себе клятву, что никогда даже в руки не возьмет стакан с водкой. Не обхватит тонкими бледными пальцами прохладное стекло. Не заставит собственное нутро болезненно сжаться, позволяя теплу проникнуть до самых кончиков пальцев.

Никогда.

Она сидела сейчас, сгорбившись, за столом на своей кухне. Снаружи плавилась чернотой непроглядная ночь, в стекло скреблись ветки разросшейся березы. Едва горела тусклая лампочка, роняя теплые отсветы на синевато-бледную кожу.

Под пальцами скрипели гречишные зерна – женщина перебирала их просто так, не с какой-то там особой целью. Не хотела убирать черные, жесткие и горьковатые, чтобы приготовить вкусной ароматной гречневой каши. Просто скребла ногтями линии в гречневом безумии.

Вспоминала.

... Ночь, такая же, только холоднее в тысячу раз: огромные и пушистые хлопья снега падают на шапку, на шубку, на щеки и тотчас же становятся капельками воды. Ася, укутанная практически в кокон, сидит спокойно и лишь высовывает иногда острый розовый язык, пытаясь поймать снежинку.

Скрипит снег под мамиными ногами – девочке видна лишь широкая спина в дутом сером пуховике да тонкая веревка, что соединяет санки с сильной материнской рукой. Мать идет молча, дышит тяжело и надсадно, вглядывается в черноту дворов.

Они пошли искать папу.

Асе нравится зимний пейзаж их маленького, богом забытого городишки – пустые заснеженные улицы, редкие черные росчерки прохожих, одинокие машины с блестящими фарами, льющийся из фонарей рыжий свет, окрашивающий наметенные сугробы сизым и лиловым... На улице холодно, но девочке мороз не страшен – мама закутала, замотала в шаль, обвязала шарфом.

Ася улыбается и зачерпывает колючими варежками снег.

Папа обнаруживается на крыльце подъезда – сидит, нахохленный, словно замерзший воробей, и улыбается нетрезво. Он должен был прийти, когда тяжелая зимняя ночь только принималась сумерками укутывать их серую пятиэтажку, но папа пришел только сейчас. На массивной шапке застыли сугробы снега, замерзшие руки казались багровыми, нос уже побелел от холода.

Ключей у папы нет, как и телефона. Потерял опять, наверное. Мама ругаться будет.

Мать останавливается у самой лестницы, молчит, глядя в светлые, затуманенные хмелем глаза. Падает прямо в сугроб веревочка, а Ася сидит тихонько, всей детской душой впитывает то нездоровое, что повисло в воздухе между родителями.

– Прости, Танечка, – выдавливает папа, и язык его заплетается, а улыбка становится лишь шире. – Устал.

Он разводит руки в стороны, покачивается, пожимает плечами. Мама молчит, и в молчании ее – и боль, и ненависть, и холод, промораживающий до костей. Асе, которой так тепло было в гнездышке из шали и потрепанной детской маминой шубы, становится зябко.

Снег кружится, оседая под фонарями, и на фоне черного неба кажется, что снегопад идет лишь под покровом света от лампочек. Мама плачет, отворачивает лицо. Папа сидит, глядя на нее со странным выражением.

Потом поднимается тяжело, стряхивает с брюк налипший снег. Ася не любит, когда папа пьяный – что-то в его лице невозвратно меняется, улыбка становится кривой и странной, глаза кажутся дурными, почти бесцветными, от него пахнет горечью и назревающим скандалом. Папа подходит к санкам, присаживается и чуть не падает на спину, заходится

хриплым смехом, долго копается в карманах. Руки его почти не слушаются.

В конце концов, он вытаскивает карамельку – потрепанную, старую, рисунок на обертке почти стерся. Протягивает дочке.

– На. Вкусная.

Ася смотрит в его лицо, которое вдруг становится чужим, неправильным, диким, и не шевелится. Ей не хочется брать в руки эту конфету. Она глядит полными слез глазами в отцовские глаза и даже в ночи видит в них беспечность и что-то вгрызшееся в душу, отбирающее у ребенка отца.

Не выдержав, она отворачивается, крепко сцепляя ручки в замок. Ей стыдно, и стыд этот омывает волнами, заставляет щеки вспыхнуть жаром, хныкать, пряча глаза. Наклоняется мама – одной рукой подхватывает тяжелый куль с дочерью, другой тянет санки. Мама – она такая, сильная. Они уходят в подъезд, и мама не придерживает дверь, которая вот-вот закроется на кодовый замок.

Отец сидит в сугробе. В багровой руке все еще зажата маленькая карамелька.

...В классе душно и даже жарко, и Ася сидит, обмахиваясь тетрадкой по математике, словно веером. За окнами расцветает весна: медовый запах сирени просачивается через небольшие деревянные форточки в окнах, солнечный свет льется на парты и обжигает детские руки, сонная

муха бьется в стекла, пытается выбраться из капкана...

За мухой наблюдать сейчас интереснее всего, и девочка следит глазами, как та вьется под потолок, садится на макушки, огибает детские ладони, пытающиеся ее поймать. Классный час, кажется, длится целую вечность, и шестиклассники изнывают от скуки.

Кто-то режется в крестики-нолики. Кто-то тихонько выудил телефон и бьет пальцами в экран, высунув язык от усердия. Кто-то дописывает домашку по русскому, чтобы после школы погулять вдоволь.

Ася отчаянно скучает, пытаясь слушать учительницу.

Та, болезненно худая и длинная, словно жердь, сидит, положив ногу на ногу, и монотонно читает слова с презентации. Иногда проектор высвечивает картинки, и тогда самые отъявленные двоечники класса Булевский и Пиджачков принимают хихикать и комментировать все происходящее. Вокруг них волнами разливается плохо сдерживаемый смех. Ася ничего не слышит, как ни пытается.

– Здоровый образ жизни – залог вашего успеха, – бормочет учительница так, будто вот-вот уснет, и тогда весь класс погружается в благословенные объятия дремы. Глаза у Аси слипаются. – Вредные привычки способны навредить, изменить вашу

жизнь в плохую сторону. Алкоголизм, наркомания, незащищенные половые контакты... Э...

Задние парты взрываются смехом, и Асе вдруг кажется, что смеются и вправду сами парты – подпрыгивают, дрожат, стучат ножками о вытертый линолеум. Булевский и Пиджачков мигом принимаются перечислять все известные им варианты «незащищенных половых контактов», и сонной учительнице приходится стучать красной ручкой по столу, призывая к тишине.

Ася затуманенными глазами рассматривает первые зеленые листочки за окном. Девочке хочется бегать, играть в классики, а не чахнуть в душном классе.

– По статистике, наследственные или генетические факторы вызывают предрасположенность к алкоголизму на шестьдесят-семьдесят процентов... – бормочет учительница, сама не понимая, что говорит.

Шепот Булевского такой же тихий, но он почему-то ввинчивается Асе куда-то под лопатки – она слышит все, до последнего слова. Странно. Смех не слышала, а это слышит.

Ощущает кожей.

– Семьдесят! – стонет Булевский. – Аська-то алкашкой будет!

– Стопудово! – хихикает Пиджачков. – У нее же отец алкаш! Слышь, Пуговица, Ася...

Они шепчутся, словно вороны. Выклеивают всё то светлое и нежное, что еще только прорастает в маленькой душе. Ася оглядывается, глаза ее чернеют от обиды, она смотрит прямо в глаза Пиджачкову, но натывается лишь на глумливый взгляд в ответ. Булевский что-то торопливо рисует на листочке синей ручкой и, смяв бумажку, кидает ее прямо в Асю.

– Прекратили! – визгливо взрывается учительница, и сонные шестиклассники в недоумении смотрят на нее. – Вовсе не значит, что человек, у кого родственники злоупотребляют алкоголем, станет таким же! Много зависит от вас, вашего выбора и вашей силы воли...

Но ее никто уже не слушает, класс шушукается и хихикает. Ася, подняв смятый выданный тетрадный лист, расправляет его.

Там – кривая и кособокая синяя бутылка с надписью «водка». Двоечники, наблюдая за ней, раздражаются противным блеющим смехом, учительница требует их дневники и краснеет пятнами от негодования.

У Аси дрожат губы.

После уроков ее ждет отец – он почти никогда не приходит, но сегодня, как специально, решил применить роль заботливого папки. Охранник косится на него с подозрением – от горбленной худой фигуры исходят удушающие ароматы перегара.

Когда Ася сбегает по ступенькам, крепко прижимая к себе ранец, отец поднимается со скамейки и делает шаг к дочери, раскрывая руки для объятий, улыбаясь тепло и нежно. Он небритый, заросший черно-седой щетиной, у него выпачканные после тяжелой работы руки. Лицо покрыто рытвинами, губы бледные. Опухший.

В спину девочке ударяет яростный хохот. Делая вид, что не заметила папы, она пробегает мимо и выдирает свое тело прочь из школы, хлопая дверью. Стыд, поселившийся в ней, раздувает огромные паруса, заполняя все вокруг. По щекам ползут мелкие колючие слезинки, но Ася их не вытирает.

...В коридоре раздаются громкие шаги, и Ася выныривает из детских воспоминаний – удушьющих, топких, затягивающих. Стоит раз ступить не туда, пропустить в голову какую-то мысль, и вот ты уже почти утонула в сожалениях, обвинениях, стыде, боли...

Она и сама до сих пор боялась признаться, как сильно ранят эти детские воспоминания. Шрамы давно заросли, затянулись изнутри, но почему-то вновь и вновь принимаются кровоточить, стоит неосмотрительно ткнуть в них пальцем. Теперь Ася стыдилась не папу.

Теперь она стыдилась собственных чувств.

На пороге возникла Анька, долгожданная дочь, выстрадавшая и вымоленная. Высокая и несклад-

ная, угловатая, как и все подростки, она нервно поправляла одной рукой кривую черную челку, а другой держала на руках Мишку, которому не исполнилось еще и года. Мишка, сосредоточенно глядя на собственные пухлые кулачки, грыз резиновую уточку родом из Асиного детства.

– Мама, – серьезно и с порога начала Анька. – Папа просит отпустить нас на неделю к бабушке с дедом.

– Нет, – спокойно отозвалась Ася. – Учеба только началась. Нет.

– Мама! – голос резкий, сразу в крик.

Ася убирает ладони от стола и видит, что слишком сильно давила ими гречку, и теперь с кожи осыпаются прилипшие зерна. На ладонях остаются багровые полукружья, мгновенно вспыхивающие острой болью.

– Разговор окончен, – женщина растирает руки, ссыпает гречку в кастрюлю и прямо так ставит на закопченную, покрытую жиром плиту. – Пусть ваш папашка сначала научится платить алименты...

– Я поеду! – упрямо говорит Анька, прекрасно зная, что никуда не поедет. Встряхивает Мишку, словно бы пытаясь и его втянуть в спор, но Миша лишь пускает слюни и яростно вгрызается в резину. – Это ваши с папой проблемы, раз не смогли ужиться вместе. Почему мы должны страдать?..

Ася молчит. С мужем они развелись пару месяцев назад, женщина устала от его постоянных

задержек на работе, вранья, скандалов... Асина мать всегда была женщиной слабой, хоть в детстве казалось по-другому: плакала молча, на кухне, когда становилось особенно паршиво, порой кричала, но сделать ничего не могла.

Гладила рыдающую дочку по плечам, обещая, что все пройдет.

Не прошло.

Ася такой быть не хотела. Выставила мужа, как только поняла, что страданий их союз доставляет гораздо больше, чем теплых и искренних мгновений.

– К твоим родителям мы поехать не можем, – бурчит Анька, усаживая Мишку на пол. – А почему нельзя общаться с другими бабушкой и дедом?

– Потому что, – Ася включает конфорку, задувает обгорелую, скрюченную черную спичку (маленький детский силуэт), сует ее в мусорное ведро. – Не усаживай Мишку на пол, грязно.

– Так уберись, – предлагает дочь и, отвернувшись, принимается за мытье посуды. В раковине грязных тарелок скопилось очень много – жир присох к сероватым поверхностям, став каменным, кружки громоздились на кастрюльках, в бокалах покрывались бледными плесневелыми хлопьями ложки. Запах кислого и протухшего намертво впитался в обои и, казалось, прогрыз их прямо до стены.

Ася вернулась за стол, налила себе попить, зажмурилась, откидывая голову. Руки липли к

столешнице, волоски приходилось отдиравать от грязного дерева.

Лампочка едва заметно моргнула. Мишка, чихнув, пополз обратно в комнату. Анька не заметила.

Мать не стала его останавливать.

– ...Да сколько же можно пить?! – кричала Ася, мечась по квартирке, как умалишенная. Растрепанная и бледная, она смотрела то в глаза отцу, то в глаза матери, замечая лишь едва пробивающееся раскаяние, туго занесенное чарами зеленого змия.

Мама смотрела смущенно, прятала глаза. Отец примиряюще вытягивал ладони, пытался что-то объяснить, но не мог – язык и губы его не слушались, отчего он то и дело расплывался в улыбке, словно что-то тут было смешного.

– Надоело! Надоело!!! – выла Ася, тыча пальцами то в прозрачную бутылку с красной этикеткой, то в нарезанные огурцы, то в засохшие кольца лука. – Ты себя почти угробил, теперь еще и за мать взялся?! А ты чего с ним уселась? Хочешь такой же алкашкой стать?!

– Я не алкаш, – с трудом выговорил отец. Мама молчала.

Ася разбила бутылку, и та застыла осколками на невытом полу. Девушка содрала со стены семейный портрет и порвала его в клочья, не слушая чужих оправданий и возражений. Она редела, размазывая по лицу тушь вперемешку со слезами, бросалась на

стены, вопила, кричала, выплескивая все то, что годами копилось в ее нутре, загнивая и распространяя душающие миазмы...

– Кроме бутылки ничего тебе не надо, ничего! И маму туда же! Господи, да лучше бы вы развелись! Всю жизнь я смотрю в эту пьяную рожу и ненавижу, ненавижу! – Асе казалось, что ее рвет словами, фразы вылетали из нутра с судорогами, перемежаясь с отчаянными задушенными рыданиями, она выла и выла, зная, что никакого толка в этом нет.

Ее всю трясло, руки дрожали, щеки кололо и сводило, но она кричала, глядя прямо в светлые отцовские глаза. Он никогда не кричал в ответ, не бил, только пил и пил себе тихонько, загоняя в гроб семейную жизнь.

Вечный Асин стыд. Неизменный позор. Самый главный страх.

И вреда от него нет, и насилия, а болит так, что лучше бы ударил...

– Ты всё пропил, всё! Работу, семью, мать! Ты и мне жизнь сломал, ты меня искалечил, как ты этого не понимаешь?!

– Прости, дочка, – вдруг отозвался он тихо и разборчиво, а потом улыбнулся с такой тоской в глазах, что ее истерику как рукой отрезало. – Прости, что такой папка у тебя. Слабый. Сломанный. Непутевый.

И, не сделав паузы, он замахнул в себя рюмку. На глазах выступили слезы, но Ася не знала их причины. Ей хотелось верить, что это сожаление.

Она сбежала из дома в тот день и больше не вернулась. Нутро, сведенное судорогой отчаяния и стыда, еще долго ныло и вздрагивало от каждого неосторожного слова.

...В раковину упала тарелка с таким звуком, будто колокол взвыл в их тесной квартирке. Ася скосила глаза – а, нет, не упала. Это Анька швырнула психуя.

– И долго все это будет продолжаться? – спросила она холодно, скрещивая на груди руки. С ладоней капала мыльная вода. В раковину била струя, отменяя фразы.

– Что? – спросила Ася.

– Это.

Детская рука картинно обвела грязный стол. Сахарница с желтоватыми пятнами, вазочка с засохшей карамелью, немного сушеной рыбы, вонючая соленая селедка, кружка, изнутри покрытая пеной. Темная пластиковая бутылка.

– Это и не начиналось вообще-то, – отозвалась мать.

– У тебя алкоголизм скоро разовьется, – сухо бросила Анька.

Слова ударили пощечиной. Ася дернулась, не сводя глаз с дочкиного лица, сцепила кулаки, медленно выдыхая.

– Не говори ерунды...

– Ерунда для тебя – это мы с Мишкой! Ты только и знаешь, что приползти с работы да налить себе

кружечку! Квартира похожа на бомжатник, я устала ее оттирать! Мать Мишке – я, домработница – я, кухарка – я... Надоело! А мать только пьет!

– Замолчи! – рявкнула Ася и ударила кулаком в стол. – Чушь! Я никогда не была алкашкой и не буду! Это не водка! Да, у меня трудный период, да, могу иногда расслабиться! И остановлюсь сразу же, как только захочу!

– Так захоти остановиться! – заорала Анька, приближая к матери лицо, вторгаясь в зону ее перегара. – Захоти! На меня-то черт с ним, но Мишка тут причем?!

– И остановлюсь! – крикнула в отчаянии Ася. – Еще ты меня учить будешь!

И замерла, глядя дочери в лицо. Черные волосы с пробивающимися русыми корнями, тонкий нос, круглые щеки, низко нависающие верхние веки... На секунду Ася увидела в дочери себя – точная копия, только уменьшенная. Папина дочка. Маленькая злобная Аська...

– Смотри, сопьешься! Как дед.

И, не слушая матери, девочка вылетела в коридор, ворвалась в комнату... Судя по звукам, отобрала что-то опасное у Мишки, и тот зашелся басовитым ревом. Анька помолчала, а потом тихим шепотом принялась успокаивать брата.

Руки у Аси дрожали, и она налила себе кружку пива, мгновенно наполнившуюся бледной пеной.

Последнюю. Надо же нервишки успокоить. Напиток ринулся в нутро, горечь осталась на языке, в душе немного потеплело.

И сразу же покрылось холодом.

«Как дед».

Все началось после замужества. Встречи с друзьями («Как же ты не пьешь, больная, что ли, или в кодировке?»), где Ася начала пропускать по стаканчику пенного, улыбаясь непринужденным беседам. Вечера пятниц, когда после трудных рабочих недель хотелось сбросить напряжение и в бокале ароматно плескалось красное сухое. Праздники, где нельзя было не поднять бокал шампанского за юбиляра...

Но это были пиво, вино, ликер. Не водка.

Она никогда не возьмет в руки стакан с водкой. Глупая детская клятва, только бы доказать им всем – папе, Пиджачкову и Булевскому, учительнице, – что она сильная, она справится.

Вот оно. Доказать всем.

А не себе.

Пластиковая бутылка была уже почти пустой, когда Ася, в очередной раз долив себе, поставила ту на стол. «Как дед». Да ни за что! Да, у Аси был тяжелый период – развод, маленький ребенок на руках, сокращение на работе... Да, она все чаще заглядывала в маленький магазинчик с пестрой вывеской, где знакомая продавщица, вежливо улыбаясь, наполняла бутылку, ничего не спрашивая.

Да, Ася все чаще сидела на кухне, таращась в пустое окно на скребущиеся мертвыми пальцами ветки, погружаясь в собственную черноту.

Но она...

«Я не алкаш», – шепнул прямо в ухо папа, и женщина замерла.

Просто тяжелый период. Слабость. От пары бутылок ничего не будет. Остановлюсь, только когда захочу.

Это ведь не ее фразы. Они пробежались по позвоночнику мурашками, поскребли загривок, приподняли волоски.

Это папины фразы.

Заплакав, она отшвырнула прочь бутылку, притянула к себе мобильный телефон, выстучала пальцами давно знакомый номер. На экране вспыхнула фотография – молодой еще, с военной выправкой и светлыми пронизательными глазами. Вызов. «Папа».

– Абонент находится вне зоны доступа, – холодным и пустым голосом оповестили ее с того конца. – Попробуйте не спиться, чтобы не встретиться с абонентом где-то в аду.

Абонент теперь всегда будет недоступен. Ася не знала, куда вознеслась или низверглась отцовская душа, если он, конечно, не пропил ее за ненадобностью, но жажда услышать его голос вдруг стала нестерпимой.

Жажда.

Хочется чего-нибудь горячительного и одновременно холодненького, пока сидишь целый день на работе. Хочется хоть глоточек, пока едешь в маршрутке домой. Хочется немножко выпить, когда покупаешь картошку и свеклу на борщ, а потом останавливаешься у мерцающей витрины.

Хочется лишь пригубить, когда гуляешь в парке с Мишкой. Когда учишь Аньку кататься на роликах. Когда едешь с документами о том, что твой брак – досадная ошибка со штрафом в виде двух детей.

Жажда. Ей отчаянно хотелось выпить все последние дни. Она противилась было, но неизменно уступала.

Жажда не стать отцом превратилась в жажду алкоголя.

Она и правда ведь в него превращалась, маленькая и глупая женщина, которая не смогла вытащить на собственных плечах груз детских воспоминаний. В крови засел тот самый червячок, зеленая змейка, которая вскоре превратится в настоящего змия, и тогда уже она, Ася, примется совать Мишке раздавленные, растертые в кармане карамельки, а он будет отводить лицо и плакать...

Не выдержав, Ася положила голову на руки, вдыхая и выдыхая.

Она вдруг четко поняла папу, каждое его действие, каждое слово. Как он стоял, с грустной полуулыбкой глядя жене и дочери в глаза, а назавтра снова шел и напивался. Он не мог противиться.

Это болезнь. Она его сожрала. Маленького слабого человечка.

А теперь пытается отгрызть кусок пожирнее и от Аси.

Женщина теперь понимала отца каждой своей клеточкой. Она не могла его больше ненавидеть, она его не стыдилась. Она становилась им самим. Слабые люди, которые не выдержали пинков от жизни. Сломанные куклы, поддавшиеся жажде.

Асе было горько понимать это, но одновременно с пониманием пришло облегчение. Приятие. Смирение.

Встав, она подобрала бутылку. Долила остатки в стакан. В раковину тугой струей все еще била вода из крана, сваленные в кучу грязные тарелки кислоты и отмокали. На плите кипела гречка. За окном поднималась бледная и тусклая луна.

В комнате, уткнувшись лицом в подушку, плакала Анька. Ей было отчаянно больно от материнского безразличия и непонимания. Рядом, посапывая и раскинув в стороны ручки, безмятежно спал Мишка – ему тяготы жизни с пьющим родителем были пока незнакомы.

Поправив одеяльце, Анька вытерла ладонью глаза и с неожиданной злостью подумала, что никогда в жизни не станет пить, спиваться, как сейчас это делает на кухне ее собственная мать.

Никогда.

МЕРТВЫЙ МЕТАЛЛ

* * *

«Внимание! Как сообщают наши источники, город Н. вновь подвергся обстрелу со стороны вооруженных сил, о количестве погибших и пострадавших к данному моменту не сообщается. Известно, что огонь открыли сегодня около пяти часов утра по местному времени, пока мирные жители спали в своих домах. Напомним: это уже третье нарушение перемирия, объявленного на охваченной военными действиями территории. Больше всего от перестрелок страдают жилые районы города Н., в котором несколько месяцев назад...»

У ведущей местного телеканала была скверная дикция, сбивчивые слова ватой вязли в ушах. У ведущей были ярко накрашены губы – помада скапывалась комочками и собиралась в уголках рта. У ведущей были тусклые усталые глаза. Под ярким светом софитов стали беззастенчиво видны все крупные поры, забытые тональным кремом.

Припудренные несовершеннолетия.

У Нади вдруг как-то разом подкосились ноги – стали ватными, мягкими, непослушными, и девушка медленно осела на край дивана. Пустыми глазами впиалась в несвежее лицо в телевизоре, которое бормотало теперь что-то о финансировании эконо-

мически выгодных малых предприятий в регионе, о рождаемости и смертности, о небывалых темпах...

О смертности.

Надя только что оделась перед выходом на работу – черная юбка смялась жалкой гармошкой, на блузке проступили темные пятна пота. Пятна страха. В окно заглядывало теплое утреннее солнце, ветерок едва заметно ласкал резные занавески.

Мамины любимые.

Слабой рукой Надя потянулась к мобильному телефону, не глядя нажала на вызов, помолчала, прижимая трубку к щеке. На телефоне наверняка останутся пятна от пудры уродливыми шрамами, но сейчас девушка об этом даже не думала, лишь вслушивалась, как долго и тоскливо воют гудки, будто ее звонок сейчас течет, бежит по проводам, пытается добраться до серой обычной пятиэтажки, в которой...

– Да, доченька.

– Мам, все хорошо? – вместо приветствия спросила Надя. Сжав ткань юбки в кулаке, она не чувствовала, как побелела напряженная рука.

– Да, все в порядке. И со мной, и с папой. Прости, я хотела позвонить, но заматалась...

– Не в вашем районе?

– Нет. От нас далеко, не волнуйся. Да и когда нас бомбили?.. Надюша, ты же знаешь, у нас спокойнее всего.

Надя помолчала. По телевизору показывали прогноз погоды – яркая разноцветная карта, улыбчивый и румяный ведущий торопливо размахивал руками, будто хотел прогнать ненавистные циклоны. Над городом Н. зависла большая черная туча.

– Дожди у нас, – рассказывала мама, пока Надя буравила взглядом ненавистный телевизор. Столько раз себе говорила, что не будет его смотреть, и каждое утро включала, каждое утро вздрагивала от звука заставки новостей, вот как сегодня...

– Алло! – в который раз почти крикнула мама, думая, что связь барахлит.

– Алло, – эхом отозвалась Надя.

– Доченька, у тебя точно все нормально?

– Точно. К вам хочу приехать на выходных. Возьму несколько дней в счет отпуска на работе... Давно ведь хочу, столько не виделась. Я приеду, мам. К воскресенью.

– Надюша... – трубка вздохнула как-то печально и молитвенно. – Сейчас такое время...

– Я приеду, мам. Ждите.

И сбросила вызов.

Посидела на своем скрипучем диване, выключила телевизор. Маленькая комнатка погрузилась в благословенную тишину. На щеки Нади падали белые утренние лучи солнца. За окном пели птицы – красиво, чуть грустно, очень мелодично.

За окном был мир.
У родителей за окнами мира не было.

* * *

Вокзал города Н. оказался на удивление пустым – Надя вынырнула из душного вагона, волоча за собой полупустую сумку, и поезд тут же умчался прочь, будто боялся здесь оставаться. Замерев на перроне, девушка огляделась – колючие кусты, серая запыленная трава, маленькое обветшалое здание вокзала.

И тишина. Не стрекочут сверчки, не гудят заводы, не пролетают мимо машины с визгом, не орут коты, не хохочут дети... Мертвенная, густая тишина. В здании вокзала было пусто – дремала пожилая женщина за решетчатым окошечком кассы, глядел пристально в лицо Наде охранник. Девушка сбросила сумку, посмотрела на часы, не понимая, почему родители за ней не приехали.

– Тут всегда теперь так пусто? – спросила у охранника. Тот насутился сразу, опустил глаза, потемнел лицом.

– Не всегда. У нас тут вообще-то война, если ты не знала. Мало кто приезжает. Все, кто мог, уже уехали. Мы не можем.

– Знаю, что война, – тихо отозвалась Надя и поймала его тяжелый взгляд, полный невысказанной боли. – Я потому сюда и приехала.

На привокзальной площади тоже было пусто – ни крикливых таксистов, ни чихающих и разваливающихся автобусов, ни даже брехливых собак, сбившихся в стаи. Надя раскачивалась на пятках взад-вперед, оглядывалась, выжидая, но ничего не происходило.

Позвонила матери. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Подтянув лямки на полупустой сумке, Надя сбегала по лестнице и направилась в город прямо так – всего три остановки пешком, знакомый до боли маршрут, истоптанный еще мелкими Надюшкиными ногами. Пройти мимо маленького магазинчика с очень дорогими продуктами – вокзал все-таки рядом. Правда, теперь маленький магазинчик закрыли – там новый безликий супермаркет. Пробежать мимо облезлых домов, обогнуть забор из ржавых черных прутьев, перейти дорогу по пешеходному переходу с вытертой «зеброй»...

В городе стояла тишина – тишина жуткая, противоестественная, словно он весь вымер в одно мгновение. Не щebetали на лавках бабушки, не носились по улицам дети. Наде встретились настороженные прохожие – они шли слишком быстро, не поднимали глаз, горбили плечи. Мимо почти пробежала женщина, волоча за собой маленькую девочку со светлыми волосами и большими голубыми глазами.

Даже девочка глянула на Надю настороженно.

Обычный город из Надиного детства, только будто погруженный в летаргический сон. Она боялась, что будет страшно и больно – остовы сгоревших автомобилей, лужи высыхающей на асфальте крови, скрюченные трупы под лавками у подъездов... Такой войну ей рисовали из проклятого телевизора. Но город будто задремал после обеда, такой же зеленый и солнечный, как раньше. Ничего в нем не напоминало о войне.

Надя вышагивала по улице, крутя головой, не понимая, почему. Внутри у девушки колыхалось смутное волнение – почему родители не приехали ее встречать?.. Может, забыли?

Слабая отговорка, но Наде нужно было найти хоть какую-то.

Первый шрам обнаружился неподалеку от родительского дома – крупный снаряд попал в стену, выворотил окно, поджег квартиру. Черные пятна от чадающего дыма расплзлись вокруг выбитой оконной рамы, застыли копотью, будто кто-то потушил о дом огромный окурок. Внизу, под окнами, валялись стекла, куски металла, почти сгоревшие вещи...

Надя подошла поближе, сама не понимая, зачем. Подцепила носком кроссовки обгоревшего зайца, постояла, глядя на груды хлама, который кто-то вышвыривал из окон. Задрала голову и увидела.

Война была странной – кое-где на домах сохранялись черные росчерки от пуль, местами снарядами отбило кирпичи, сорвало штукатурку, ободрало листву с деревьев. Некоторые окна были заколочены фанерой, кто-то даже прикрыл окно огромным железным листом, будто это могло помочь...

Кое-где под березами валялись стреляные гильзы. Откуда они тут?.. Неизвестно. Перестрелки, снаряды, взрывы. Чудовищный оскал войны. Надя сунула пару гильз в карман, чувствуя, как пальцы укололо холодом.

Город дремал.

Родительский дом пока стоял невредимым – его каким-то чудом миновали и перестрелки, и бомбежки, и суровый страх, окутавший дома по соседству. У соседнего подъезда на лавочке даже сидела какая-то тщедушная старушка – несмотря на теплую погоду, она натянула на ноги валенки, укуталась в грязный плащ и напялила на маленькую сморщенную голову пушистую шапку.

– Бабушка, не боитесь тут сидеть? – спросила Надя, остановившись рядом.

– А че мне бояца-то? – шепеляво спросила бабушка и махнула рукой. – Надоело мне бояца! Помру так помру! Дай хоть на солнышко поглядеть!

Надя ушла, позволяя бабушке поглядеть на солнышко.

В подъезде, как обычно, пахло кошками и вареной гречкой. Этот запах из детства Надю почти успокоил – значит, не умер город, кто-то все-таки прячется там, за стальными дверями, варит рассыпчатую гречку со сливочным маслом... Живет.

Девушка постучала в родительскую дверь – почти поскреблась нерешительно, чувствуя, как сердце испуганно заходится внутри. Там, за дверью, раздались шаркающие шаги, кто-то завозился с замком, бормоча, щелчок – дверь плывет в сторону...

– Здравствуй, Надя, – отец, едва вырисовавшись силуэтом на фоне ярко освещенной комнаты, шагнул к дочери и крепко обнял ее за плечи, прижимая девочку к себе. Отец, Михаил Петрович, обычно был скупым на ласку, молчаливым, строгим, но сейчас тепло его шершавых ладоней согрело озябшую Надину душу.

Надя приникла к папе, обнимая его, жмурясь, как ребенок, наслаждаясь крепким объятием.

– Привет, пап... Где мама?

Папа шагнул обратно в квартиру, дождался, пока туда войдет и Надя, крепко запер дверь, проверил замки, скользнув по ним пальцами. Ушел на кухню греметь чайником и кружками, стучать дверцей холодильника.

Не разуваясь, Надя прошла следом – страх в ней оформился в склизкий ледяной комок где-то у самого сердца, мешал вдохнуть. Остановившись в

дверном проеме, девушка огляделась – раковина заросла грязной посудой, на столе очистки от сосисок, отец прячет взгляд.

– Где мама?!

Вопрос свинцовым топором повис в воздухе. Отец тяжело опустился за стол, достал сигареты, закурил прямо в комнате, и дым взвился от его губ к побеленному потолку. Мама запах табака не любила, поэтому даже лютой зимой гнала папу курить на балкон, и он обреченно шел, натянув тапки на голые ноги и накинув куртку.

– Ты только не волнуйся, – начал он той самой фразой, которой обычно начинаются все самые плохие новости. Надя тихо присела на табуретку напротив папы.

– Что?..

– Мама в больнице, с ней уже все нормально, – сказал отец и замолк, втягивая в себя прогорклый дым. Сигарета дрожала в его пальцах. Надя, сгорбившись, молчала.

– Стреляли, да?.. – спросила она после долгой паузы. – Стреляли ведь? Ну зачем вы тут остались, господа, я же не прощу себе...

– Нет, не стреляли. У мамы был инсульт. Сейчас с ней все нормально, – повторил отец, а потом нашарил, словно слепец, руку дочери и сжал ее своей рукой. Ладонь у него была холодной. – Прости, что не встретил. Забыл. Замотался. Сейчас к мамке поедем...

– Поедем, – Надя встала механически, не желая еще ничего понимать, ничего признавать. Она застыла в том моменте, у дверей квартиры – еще все хорошо, мама и папа дома. В моменте этом было тихо, спокойно, еще нормально. Только темно. В подъезде пахнет гречкой...

Желудок свело спазмом.

– Только не плачь, – попросил папа и наконец-то глянул Наде в лицо. Глаза у него были красные и опухшие. – Держись. Выкарабкается, не впервой ей, старушке нашей...

Он ходил по кухне – забрал из холодильника ярко-оранжевые апельсины, сунул в пакет пачку любимого мамино вишневого сока, бросил в карман сигареты. Надя стояла и смотрела в окно, скрестив на груди руки. Она любила это окошко – зимой на нем мороз рисовал самые красивые и ветвистые узоры, а когда мама принималась готовить пирожки или грибной суп, окно запотевало и Надюшка рисовала на нем уже свои узоры – сердечки, веточки, листочки...

– Идем, – отец приобнял дочь за плечи и мягко подтолкнул к выходу.

– Идем, – эхом отозвалась Надя.

* * *

В больнице их долго отказывались пускать вдвоем в одну палату – женщина за конторкой кривила

губы и отчитывала Михаила Петровича с Надей, как нашкодивших детей.

– У нас тут вообще-то все палаты переполнены! – шипела она, глядя исподлобья. – Все раненые, все болеют, всем плохо! Если мы к каждому будем толпы пускать, то тут вообще черт-те что будет! Нет. По очереди! Нельзя.

Отец, выдохнув, сунул в окошечко смятую купюру – деньги мелькнули быстро, Надя даже не успела рассмотреть, что это была за бумажка. Женщина за конторкой перестала ругаться, замолкла. Потом сунула наружу два бледных халата:

– Только быстро. Одна нога здесь... И бахилы натяните.

– Спасибо, – по привычке отозвалась Надя, набрасывая халат на плечи и протискиваясь через металл турникета. Папа прошел следом.

На ярком солнечном свете его лицо, подсвеченное белым халатом, казалось сильно постаревшим – ввалившиеся щеки, синеватые мешки под глазами, глубокие рытвины морщин, пробивающаяся седая щетина... Отец казался усохшим, маленьким. Надя отвернулась, скривив лицо.

Мать лежала в неврологии – они с трудом нашли нужную палату, вошли, постучавшись, расплываясь в ненатуральных улыбках, отец выставил вперед пакет с соком и апельсинами, словно щит от тяжелой болезни.

– Надюшка, – кривя губы, позвала мама, и Надя сразу к ней бросилась, стараясь сдерживать рвущиеся слезы.

Мама лежала у стены, на обычной железной панцирной кровати, на замызганном матрасе, на тусклой холодной клеенке, накрытая застиранной чуть ли не до дыр простыней. У мамы было оплывшее серое лицо, немного туманный от лекарств взгляд, но руки, теплые мамины руки, были точно такими же, как и в детстве.

– Мамочка, ты как? – спрашивала Надя, глядя эти руки, целуя их, вдыхая их запах.

– Лучше всех на свете, – нетвердо отозвалась мама, Тамара Федоровна, и косила глаза на отца: – Чего встал истуканом? Бросай свои апельсины, иди к жене любимой.

Папа поставил пакет на тумбочку, где уже стояла кружка и лежал томик стихов, присел у матери в ногах, глядя на нее каким-то особым взглядом. Надя, сторбившись, не чувствовала, как сполз белый халат с правого плеча, только смотрела на маму не отрываясь.

Ей казалось, что она маму чуть было не потеряла. Успела. Запрыгнула в последний вагон.

– Что врачи говорят? – хмуро спросил отец.

– Что стану моложе на пять лет и найду себе мужика повеселее! – отозвалась мать задорно и рассмеялась так, будто не лежала тяжелой колодой на продавленной больничной кровати, словно не

змеилась по ее руке капельница, словно на сгибе локтя не расплзся безобразный черный синяк.

– Это что? – спросила Надя, глядя темную кожу.

– Вену искали, – запросто заявила мама и повернула голову к отцу. – Ну что, Миша, страшно?

– До жути, – серьезно отозвался Михаил Петрович.

Мама снова засмеялась – правая сторона лица слушалась плохо, она была будто окаменевшей или восковой, с трудом реагировала на движения, и от этого лицо казалось маской. Надя поймала себя на том, что смотрит на мамины искривленные губы почти с ужасом, поэтому мгновенно стыдливо отвела глаза.

– Нормально все, – отозвалась мама и выдохнула воздух со свистом. – Говорят, быстро восстанавливаюсь. Через недельку заберете меня. Правда, я б уже сейчас домой поехала, но хотят... понаблюдать.

– Да, Тома... – произнес вдруг отец. – Живем в военное время, а ты умудрилась в больницу попасть с каким-то жалким инсультом.

– Н-но! – оборвала его мама. – Не каким-то, а ишемическим! Видишь, какие слова сложные говорю?! Значит, нормально с головой все, не бойся, Надюшка. Прорвемся.

Вместо ответа Надя склонилась и крепко-крепко обняла маму, от которой пахло хозяйственным мылом и горьковатыми лекарствами.

Весь день они провели в палате – Надя сводила мать в душ, помогла ей умыться, отчаянно борясь и с собственной неловкостью, и с маминым стыдом от беспомощности. Много смеялись – отец с матерью будто пытались переиграть друг друга в какой-то юмористической дуэли, старались обмануть страшную болезнь смехом, хохотали в лицо приблизившейся, но проигравшей смерти. Ели апельсины, разламывая аппетитные, сочащиеся сладким соком дольки.

Один апельсин Надя решила дать маминой соседке, седовласой старушке, которая постоянно сидела у окошка, вглядываясь в улицу, и молчала, не реагируя на громкий смех и шутки. Коснувшись плеча в бледной больничной сорочке, Надя протянула бабушке апельсин:

– Возьмите... Вам апельсины полезны.

Водянистые светлые глаза долго смотрели на Надю, а потом старуха скрюченной рукой взяла апельсин и положила его себе на колени.

– Благодарствую.

– Ждете кого-то? – спросила Надя негромко, присаживаясь рядом со старушкой на корточки. Та сидела молча, глядя в окно, и в зрачках ее отражалось безбрежное голубое небо. Наде не хотелось думать про это небо.

Девушка собиралась уже отойти, не тревожа думы пожилой женщины, когда старушка сказала вдруг:

– Я жду сына. Он из армии пришел. Скоро ко мне прибежит.

Она катала апельсин в бледных сморщенных ладонях.

– А как зовут сына? – вежливо спросила Надя.

– Андрюшка, – произнесла бабушка и улыбнулась светло. – Сына зовут Андрюшка.

И добавила после паузы:

– Жду.

– Хорошо. Думаю, он скоро прибежит, – отозвалась Надя, погладила бабушкино плечо и вернулась к матери. Мама, склонив голову на бок, прислушивалась к их разговору. Отец пошел на сестринский пост, сказать, что капельница закончилась.

– Про сына говорила? – шепотом спросила мама.

– Да, – Надя присела на мамину кровать и привычным движением нашарила теплую ладонь. – Про Андрея.

– Она все время его ждет, – тяжело сказала мама. – Сын не придет. Он погиб в армии лет тридцать или сорок назад. У Анны Семеновны тоже инсульт, но с мозгом все гораздо хуже. А может, выстрелы эти, взрывы проклятые разбудили в ней... В общем, не придет сын...

С каждым новым словом мамин голос становился все тише. Надя обернулась, посмотрела на маленькую сгорбленную Анну Семеновну. Та сидела,

укутанная солнечным светом, и большими влажными глазами вглядывалась в маленькую дорожку у самой больницы. В руке женщина катала рыжий мячик апельсина.

Надя отвернулась. Покрепче стиснула мамину ладонь.

Замолчала.

* * *

Ночью снова был обстрел, и на этот раз родительскому дому повезло чуть меньше – в соседние окна, конечно, не влетел огромный снаряд и не разорвался там огненным шаром, но это была первая ласточка – предупреждение о том, что родовое гнездо больше не безопасно. Слава богу, дома никого не было – отец договорился с врачом и остался в палате на ночь ухаживать за мамой. Надя поехала к давней подруге детства.

У подруги была комната в коммуналке, маленький сынишка, два кредита и развод за плечами. Разливая по кружкам белое вино из пакета, подруга плакала тихонько, чтобы сына не будить.

Надя пила вино, и оно казалось ей горьким и ржавым.

В квартиру родителей девушка приехала за вещами – маме захотелось ходить по больнице (когда она встанет конечно) в теплых матерчатых тапочках. Нужно было взять еще пару вещей, кото-

рые папа забыл в суматохе: цветастый халат, зубную щетку, сменное нижнее белье... Войдя и заперев за собой дверь, Надя долго стояла в коридоре, прислушиваясь к месту, которое почти всю ее жизнь было ей домом.

Капал кран на кухне. Скрипели половицы. Стучал где-то за стеной молоток.

Надя прошла в свою детскую комнату, ступая почти невесомо, осторожно, словно боялась потревожить душу этого места. Все такими же беззаботно розовыми были выгоревшие обои, на столе красовалась ее коллекция фигурок черепах – от маленьких с камушками вместо глаз до огромных плюшевых игрушек с коричневыми панцирями. Надя погладила каждую черепашку по голове.

На стенах висели ее первые рисунки – кособокие березки, котик с клубком ниток, пучеглазая сова... Грамота ученице первого класса Красько Надежде за поделку «Осень». Медаль за третье место в эстафете. Плакат с любимым певцом.

В душе скреблось и грохотало. Выйдя, Надя плотно прикрыла за собой дверь.

В родительской комнате гулял теплый ветер – занавески, мамы занавески вздымались и опали, пуская запахи прогретой зелени и почему-то новогодних петард, перемешанные с солнечным светом. Комната была обычной, только валялись на полу искрящиеся куски разбитого стекла.

На полу, в битых сияющих стеклышках, лежал металл. Черный, ледяной.

Мертвый металл.

Надя сходила на кухню, достала веник с совком из-под раковины, пришла в комнату и методично принялась сметать осколки с самого дальнего края – в голове у девушки едва слышно задувал вот такой же теплый ветер. Запели птицы за окном – первые птицы, которых Надя услышала в этом городе.

Природа, солнечная и теплая, будто насмеялась над ледяной человеческой войной.

Надя брезгливо смела металл от выстрелов в совок, выбросила все в мусорное ведро, закрыла крышкой.

Села прямо на пол и расплакалась, растирая слезы по щекам.

– Я забираю вас к себе, – сказала она тем же вечером матери, которая, сидя на кровати, с трудом поднимала ложку, поглощая серую кашу. От слов дочери Тамара Федоровна застыла, не донеся ложку до губ. Отец молчал, отвернув лицо.

– Наденька...

– Я даже слушать ничего не буду.

Наде казалось, что не окна в родительском доме разбила те снаряды – ее душу прошили насквозь, завязнув там, в детских мечтах и грезах, мертвым металлом.

Время летело. Перед тем, как забрать маму из больницы, Надя подошла к маленькой и сморщенной Анне Семеновне, которая все еще ждала сына, сидя у окна. Легкий пух седых волос, бессильно опущенные руки, полупустые глаза.

Присев рядом с бабушкой, Надя сунула ей в руки холодную гильзу.

– Андрюшка просил передать, что очень скучает, – шепотом сказала девушка. – Но он сейчас очень занят. Помогает родине. Вот, просил вам талисман передать.

Старушка смотрела на гильзу и не верила своему счастью. Подняла глаза на Надю – светящиеся, бездонные, светлые. По щеке скатилась одинокая прозрачная слезинка.

– Спасибо, дочка, – произнесла Анна Семеновна и сжала гильзу в руке. – Андрюшка...

Надя вышла из палаты со странным чувством – то ли гадко было от собственного вранья, то ли прояснилось чуть на душе от этих бездонных глаз, в которых теплилась извечная надежда, извечная материнская любовь.

* * *

– Молодцы, что уезжаете, – говорил таксист, выкручивая руль. – Я все тоже хочу, но у меня мамка неходячая, куда ее тащить?.. И бросить ведь невозможно.

– Невозможно, – эхом подтвердила Надя, мертвенно глядя на полупустую дорогу.

Машина чуть просела от избытка вещей, которые набили в багажник, – родители уверяли, что еще вернутся домой, но прекрасно понимали, что этого может и не произойти. Мама собирала салфетки, занавески, фотографии, черепашек, баночки с крупой... Сложила в папку даже грамоту, медаль и плакат с любимым Надюшкиным певцом.

Сейчас родители тряслись на заднем сиденье, отец держал маму за руку. Мама, обняв свой любимый спатириллум в горшке, белый цветок которого припадочно качался на зеленом стебле, плакала. Не вытирала слезы, не кривила губы, не задыхалась в рыданиях – соленые капли текли и текли по ее щекам, срываясь с подбородка.

– Мы вернемся, – говорил отец скорее для маминого спокойствия и гладил ее руку. – Кончатся военные действия, и мы вернемся...

– Обязательно вернемся, – вставляла мама. Впереди у нее была долгая реабилитация, рука еще плохо слушалась, но все самое плохое осталось позади.

Перед отъездом мама трижды возвращалась в квартиру, уверяя, что забыла самое главное, брала какую-то безделушку, оглядывалась, словно ребенок, потерявшийся в большом магазине...

Выходила за двери. Отец запирал квартиру. Мама вспоминала что-то еще и горячо просила мужа вновь отпереть дверь.

Отец молча отпирал.

Они с Надей знали, что маме тяжело оставить все вот так, брошенным, преданным. Цветы на подоконнике – их будет поливать соседка, но все же... Резные шкатулки, которые сделали отцовские руки, – соседка обещала смахивать с них пыль, но все же...

Детские Надюшкины ползунки, игрушки, плюшевый кот с разноцветными лапами – их отдали Надиной подруге для ее сына, но все же... Калина под окнами, которую сажала мама, – ее будет поливать управдом, седоусый старик, но...

Но все же.

Могилы бабушек и дедушек – за ними никто не присмотрит. Они зарастут травой, оградка облезет, венки поблекнут, их растреплет ветер. Окно в квартире, забитое фанерой. Переполненный почтовый ящик.

Перечеркнуть всю мамину жизнь, забить в узкий багажник старых «Жигулей» и увезти прочь, в далекий пустой город, в маленькую необжитую квартиру дочери... Папе было чуть легче – он держался, зная, что мамина жизнь несравнимо ценнее всех вещей, пытался не цепляться за старое. Ему тоже было тяжело, но он молчал.

Мама плакала. Отец согривал ее руки.

– Приехали! – болтливый таксист обернулся и произнес коротко: – Ну, мамаша, не ревите. В мирную жизнь уезжаете!

– Да будь проклята эта война, – в сердцах глухо ответила мама и лишь крепче прижала к себе цветок.

Надя выбралась из машины, посмотрела на пустой вокзал, зажмурилась. Сунула руку в карман – там, среди истертых в труху осенних листьев, шляпок желудей и мелочи на проезд лежала еще одна пустая гильза, пахнущая порохом, и кусок металла из родительской квартиры. Как бы мама ни рвалась обратно, больше в город Н. Надежда ее не отпустит.

В конце концов, их семья не должна, не обязана жить на войне, когда во всем мире царит мир. Тот самый «Миру – мир» со старых советских плакатов.

И у их семьи должна быть надежда.

Жажда забрать родителей стала нестерпимой.

Размахнувшись, Надя швырнула в кусты и гильзу, и кусок мертвого металла. Отвернулась и пошла выгружать вещи из багажника.

Город Н. проводил их синим, но не мирным небом.

И тишиной.

ЛЕДЕНЦЫ

– Хочешь, расскажу сказку? – громкий вопрос, чтобы услышала. Ладони нежно поглаживают бледные руки.

– Хочу.

– Слушай.

... Янке было лет пять, не больше – маленькое недоразумение с неровно остриженными русыми волосами, торчащими в разные стороны. Жарким летом ее коленки были исчерчены глубокими багровыми царапинами, лютой зимой маленький нос постоянно краснел от холода, и лишь тогда девчонку всё-таки удавалось заманить домой, растереть спиртом озябшие ноги и натянуть на них колючие шерстяные носки.

Больше всего на свете Янка любила гостить у бабушки, хоть бабушка и жила в том же подъезде тремя этажами ниже. Когда за окном бесновалось черное ненастье, Янка запрыгивала в огромные стоптанные тапочки и мчалась вниз, к бабушке, в жаркую кухню. Бабушка плясала у плиты: перехватывала руками кастрюльки, мыла чашки в раковине, дула на кипящий компот из сушеных яблок и смородины (яблоки связками висели на окнах, напоминая баранки). Янка залезала на высокий табурет и замирала, ожидая момента наступления волшебства.

Волшебство всегда наступало.

На столе уже красовались металлические пластины-формы, распахнутые, словно голодные рты. Янка облизывалась, ерзая на стуле, и тогда бабушка вручала девочке самые главные вещи – кусок бинта, топорщащийся бледными нитками, и янтарную бутылку с подсолнечным маслом.

Высунув от усердия язык, Янка принималась густо смачивать бинтик и обводить им каждую впадинку на металлических пластинках. Девочка ощущала себя почти что волшебником, человеком, от которого зависело всё на свете – стоит зазеваться, и сокровища прилипнут, разломаются, будут некрасивыми и кривыми...

В горячей кухне, где на обоях мерцали капельки влаги, на узкой плитке в кастрюльке закипал сахар. Бабушка разводила его водой и ставила топиться на синие язычки конфорки, и сахар булькал, темнея и золотясь, наполняя всю квартиру неповторимым сладостным ароматом карамели.

Бабушка в моменты сотворения волшебства выглядела так, что у Янки дыхание перехватывало: румяная, улыбчивая, она порхала по узенькой кухоньке, иногда убирая полными ладонями прилипшие ко лбу темные кудряшки.

Когда сахар, расплавившись, превращался в тающую реку, бабушка с внучкой снимали кастрюльку с плиты, осторожно держа прихватками. К тому

времени старенькие, пожелтевшие металлические плитки были плотно сомкнуты и обвязаны бечевкой крепко-накрепко, чтобы сокровища получились ровными и красивыми.

Янка вцеплялась в ручки кастрюльки, затаив дыхание. Казалось, бабушка доверяла ей величайшую из миссий – лично повелевать расплавленным металлом, огненной лавой, творить красоту и самые вкусные сладости на свете.

Сверху на металлических конструкциях темнели дырочки – Янке предстояло аккуратно залить в них кипящий, шипящий и плюющийся горячими каплями сахар, не разлить, долить столько, сколько нужно. Порой, видя дрожащие руки и горящие детские глаза, бабушка помогала, раздавая указания готовить палочки.

Ох, эти палочки! Вся семья знала, что палочки следует собирать с огромным усердием и бережностью. В ход шли трубочки из-под чупа-чупсов, деревянные палочки эскимо, трубочки из-под сока... Янка, обтирая их чистой тряпкой, аккуратно вставляла палочки в глянцевый и все еще кипящий сахар.

Потом бабушка и внучка сидели на кухне, болтая обо всем на свете, хихикая, попивая теплый еще и чуть кислотатый яблочно-смородиновый компот. Янка морщилась, требуя газировки, но бабушка лишь усмехалась и советовала налегать на витамины.

Когда пластинки остывали, а главное – застывали в них сокровища, Янка разматывала желтоватую бечевку с прилипшими капельками сахара, раскрывала металлические объятия формочек и замирала...

Золото сияло под теплым светом лампы, отбрасывая блики на обои. Тонкие черты, сладостно изгибающиеся края, застывший коричневый сахар, еще недавно раскаленное, но теперь остывшее сокровище... А самым прекрасным было то, что золото это можно съесть!

Бабушка аккуратно отделяла леденцы, складывала их в шуршащий целлофановый пакетик, а Янка вилась под бабушкиными руками, помогала, грызла сладкое счастье в виде искрящихся петушков и белочек, облизывала тонким язычком ярко-зеленые палочки и мычала от восторга, мечтая откусить от каждого по кусочку...

На кухне все еще сохранялось тепло, и Янке невдомек было, тепло ли это от остывающей плиты или от мягких бабушкиных рук, которые лохматили короткие волосы и крепко-крепко обнимали тоненькое тельце. Самым вкусным лакомством в детстве Янки были вот эти вот хрустящие леденцы из чистого сахара – и настроение поднимается, и душа ликует, и что-то внутри поет и радуется от каждого укуса, когда сахаристые бока ломаются с веселым треском, а на языке поселяется божественная, неземная сладость...

Янка хрустела леденцами, болтая короткими еще пока ногами под столом, жмурясь от восторга. Сияющие капельки расплавленного сахара таили в себе и бронзу, и медь, и немного пряной медовой теплоты, и бабушкину заботу, и любовь, и тепло бесконечного детства.

В садик Янка на собственный день рождения заходила королевой – бабушка с мамой раскладывали по столам кусочки ароматного медового торта, а Янка с кульком в руках одаривала ребятишек маленькими сияющими леденцами, в которых будто поселилось солнышко. Торт был тоже особым – бабушка полночи пекла коржи, отчего аромат стоял на весь подъезд, мама взбивала крем, а потом весь вечер отгоняла от холодильника папу и Янку, которые хоть пальчиком хотели мазнуть по сладкой начинке...

Но главное – леденцы. Ведь их делала сама Янка: сама мазала формочки растительным маслом, сама заливала расплавленный сахар, сама отковыривала золотистые фигурки. Сама протягивала их ребятам.

– Ты где купила такие леденцы? – с восторгом вопрошал Тёма, откусывая голову статному точену петушку.

– Сама готовила, – гордо отзывалась Янка. – Вместе с бабушкой.

Бабушка стояла в углу группы и улыбалась, хрустя пакетиком со сладкими и крошащимися зо-

лотинками леденцами, не сводя глаз с маленькой, но такой уже взрослой внучки.

...На кухне царила форменная разруха – почти потерявшие рисунок обои были густо заляпаны каплями жира, в раковине который день кисла замоченная посуда, ведро стояло переполненным. Яна испытала жгучий приступ стыда за весь этот кавардак, но уже в который раз поняла, что ничего не изменится, как ни отстирывай, ни отмойвай.

На столе, заставленном чашечками и мисочками, лежали густо присыпанные пылью формочки. Темные краешки ошетинились хлопьями ржавчины. Яна сидела прямо напротив бабушки, глядя ее руки и всматриваясь в светлые глаза, в которых океаном застыла безмятежность.

– Хорошая история, – с трудом произнесла бабушка, а в глазах ее отразились порхающие в дуновении ветерка занавески и большой алоэ в разломанном горшке на подоконнике.

– Не помнишь? – с горькой улыбкой спросила Яна.

– Не помню, – согласилась бабушка.

Такое бывает к старости, когда мысли ускользают, как железные конфеты, разбегаются кто куда, пальцами не ухватить. Всё это бывает – и заваленная тарелками кухня, и ослабевшие полные руки, и лицо в сетке морщин, и светлые глаза, которые порой узнают внучку, а порой остаются пустыми и безмятежными.

Пора было включать торшер с ободранными краями, приниматься за уборку, выбрасывать мусор, отмывать кружки и кастрюльки, доставать из пакетов румяные помидоры и бархатные сочные персики. Но Яна сидела, перебирая бабушкины пальцы в своих руках.

Вспоминала сладкие леденцы, жаркую кухню и босые короткие ножки, которые не доставали до пола. Теперь ноющие и длинные ступни, покрытые мозолями от узких туфель и целого дня беготни по городу, упирались в засаленный ковер.

Порывшись в сумке, Яна с улыбкой достала отсюда что-то маленькое и тонкое:

– Знаешь, а ведь я до сих пор палочки собираю. Глупо так, да?.. Столько лет прошло, а я их всё в салфетки заворачиваю и домой приношу. Будто надеюсь однажды, что мы с тобой снова поставим сахар плавиться, сделаем белочек, мишек, петушков...

Бабушка пустыми глазами смотрела на палочки и ничего не понимала.

– А впрочем, кто мешает? – улыбнулась Яна и встала, решительно закатывая рукава рубашки. Жажда вновь погрузиться в детство накрыла девушку с головой.

...Вечер толпился тенями за окнами, заглядывал черными глазами в освещенную кухню. Там, в жарком мареве варящегося грибного наваристого супа, томящихся фрикаделек с рисом в томатном

соусе, песочного пирога с персиковой начинкой бегала с кастрюльками румяная Янка. Бабушка, сидя за столом, неспешно прихлебывала черный крепкий чай и смотрела на все так, будто когда-то это уже видела.

На столе, связанные случайно найденной веревкой, стояли формочки с застывающими леденцами. Сахар, плавящийся и булькающий пузырьками, готовился вот-вот стать детскими сокровищами. Уже повзрослевшая, объездившая несколько стран и порой позволяющая себе забрести в дорогой ресторан, ничего вкуснее и слаще этих леденцов Яна в жизни не пробовала.

Она знала, что всё было не так красиво и празднично, как казалось в детстве, – порой самодельный торт и легкие в приготовлении сахарные леденцы были необходимостью, нуждой, но в памяти осталось не это. Вечер, бабушкина кухня, восторг от того, что девочка сама готовит расплавленное золото...

Спустя час они сидели с бабушкой, хрустя леденцами. Прямо как тогда, в детстве. Сахар таял на языке, губы липли, пальцы становились сладкими, а в трубочки из-под чупа-чупсов можно было еще и свистеть, съев очередного петушка из русских народных сказок.

– Вкусно? – спросила Яна с улыбкой, катая на языке раскрошившийся сахар.

– Вкусно, – кивнула бабушка, и глаза ее потеплели. В них мелькали мысль, узнавание, старческая беззаботность. Бабушка крепко сжимала внучкины руки и целовала ее в румяные щеки, позволяя насладиться этим кратким моментом настоящего семейного тепла. – Спасибо.

– Это тебе спасибо. За всё.

Ночь застывала чернотой там, на улице. На маленькой уютной кухоньке сидели, обнявшись, пожилая женщина со светлыми глазами да повзрослевшая девочка Янка.

На столе перед ними янтарем переливались леденцы.

ПРИВЕТ, ДРУГ. ПРОЩАЙ, ДРУГ

* * *

Бегу изо всех сил, спешу на встречу с другом. За ноги цепляется ковыль, повисает на брюках белоснежными сухими стрелами. Я не обращаю на него внимания.

Я бегу. С другом мы вместе с первого класса – нас посадили, мелких и лопоухих, за одну парту. С той поры нас всегда рассаживали по разным концам кабинета, иначе мы своим богатырским хохотом неизменно срывали уроки. В детстве мы с Витькой рвали сливы на садах, прячась от сторожа в кустах кусачей крапивы. Ледяным апрелем, когда под блеклым солнцем только-только выросли подснежники, мы купались, вопя от холода, в мелкой речушке недалеко от дома. Списывали домашку на подоконнике, чаще всего Витька подсовывал мне свои тетрадки. Взрывали бомбочки под Новый год, пугая долговязых одноклассниц. Стреляли сигареты и курили тайком за углом, прячась и упиваясь чувством взрослости.

После школы Витька поступил в институт, я ушел в колледж. По ночам мы колесили по городу на его первой машине, чихающей, обдающей редких прохожих дождевой водой из-под колес. С первой зарплаты купили по банке пива и, усевшись на

кривом заборе, долго его пили, глядя на снующих серых прохожих.

На моей свадьбе Витька был свидетелем. Я крестил его маленького сына, первенца, такого же лопоухого, как и отец. Когда Витьку выгнали с работы, я рассылал его резюме по фирмам, пока его не взяли менеджером в какую-то безликую контору. Когда умерла моя мама, я сидел на его прокуренной кухне и рыдал, как ребенок, а он молчал, положив руку мне на плечо.

Когда от Витьки ушла жена с ребенком, я принес к нему ящик водки, и мы несколько дней не выходили из квартиры. После моей операции на желудке он был первым, кто пришел в палату с бесполезными мандаринами и томатным соком.

Повзрослев, мы могли не общаться месяцами, завязнув в повседневных делах. Но потом один из нас непременно звонил, и мы встречались, обнимались дружески, хлопали друг друга ладонями по спине, хохотали, рассказывая о несмешной и трудной жизни. Пили в гаражах, пока над нашими головами мигала единственная лампочка, единственный источник света...

Добежал. Остановился, переводя дух. Витька смотрел так знакомо, тепло и доверчиво. На фотографии он выглядел, как живой.

Холодный мраморный памятник был покрыт темными потеками дождевой воды – последнюю

неделю с неба лило почти без остановки, а сегодня сквозь черные набрякшие тучи пробилась негреющая лучи. Я стряхнул с брюк колючий ковыль.

На кладбище тихо, спокойно. Все дорожки между оградками заросли этим чертовым ковылем, и он колышется, словно выгоревшее море. Я знаю, что не успел и уже никогда не успею, понимаю, что это глупо. Но каждый раз бегу сюда, словно могу еще добежать, схватиться, уберечь...

Кладу руку на мраморный памятник, похлопываю его дружески. Достаяю из пакета пряники и бутылку. Присаживаюсь рядом. На могиле Витьки выцветшие пластиковые цветы и разбитое пополам блюдце. Я выдавливаю из себя фразу, привычную до оскомины:

– Привет, друг...

Кладбище молчит. Молчит на фотографии Витька. Улыбается.

* * *

Бегу изо всех сил, спешу на встречу с другом. Ноги вязнут, словно в киселе, но я стараюсь изо всех сил, не ощущая ничего вокруг.

Я бегу. Игорек не понравился мне с первого взгляда – помнится, после праздничной линейки мы, оставив астры в кабинете, подрались. Нас, первоклашек, за шиворот притащили к директору. Ни один не сознался, кто первым начал драку.

Оттуда все и понеслось. Мы с Игорьком помогли с ремонтом его матери, клеили обои, а она кормила нас пирожками с рисом и грибами. На уроках, сидя в разных концах класса, мы играли в морской бой. Впервые поцеловавшись с девочкой, я первым делом побежал к Игорьку, зная, с кем хочу разделить этот восторг.

Однажды я ради забавы увел у него девушку, а он в отместку разбил кочергой лобовое стекло моей машины. Я набил ему морду. Он пришел ко мне, раскаявшись, и принес сушеных кальмаров, пенного и смущенную улыбку.

Когда он танцевал первый танец молодоженов, я снимал все на телефон и волновался больше него. На фотографиях с крещения моего сына Игорек выглядит даже счастливее, чем я. Когда он устроился электриком на завод и стал получать хорошие деньги, мы уехали к водохранилищу и нажарили в честь праздника целую гору шашлыков.

Однажды он вытащил меня из петли и теперь уже сам набил мне морду. Я даже не обиделся.

Добежал. Замер в ковыльном море, словно в облаке, стоя за спиной. Игорек сидел на железной облезлой лавочке, сгорбившись, и держался за памятник.

Серая фотография, тусклая – я там совершенно не такой, как в жизни. На разбитое блюдце Игорь кладет пряники – знает, как я люблю их есть, – размачивая в чае.

Любил.

Снова не успел – бежал, мчался на эту встречу, как не спешил никогда и никуда. Среди кованных оградок гуляет прохладный ветер. Игорек вздрагивает и молчит. Я касаюсь рукой его плеча, пытаюсь похлопать, как раньше. Рука свободно проходит насквозь. Игорек даже ничего не чувствует.

Это похоже на жажду, до такой степени желание вновь поговорить прожигает нутро. Жажда человеческого тепла – главное, что есть у каждого из нас.

Я смотрю на его затылок и все еще не верю. Понимаю, но не верю. Шепчу, растворяясь в козыльном море:

– Прощай, друг...

Содержание

Жажда	3
Мертвый металл	21
Леденцы	43
Привет, друг. Прощай, друг	52

Ирина Сергеевна Родионова
Жажда

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
На обложке рисунок Алексея Кирилова

Допечатная подготовка –
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 8.11.2019 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15,
Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Ирина Сергеевна Родионова

Ирина Сергеевна Родионова родилась в 1995 году в Новотроицке. С отличием окончила школу № 22, получила красный диплом Оренбургского государственного университета, став бакалавром по специальности «Психология и педагогика». Автор семи научных статей по психологии, экологии и черной металлургии (две вышли в Чехии и Болгарии). Автор реалистических и фантастических романов. В 2018 году на Всероссийском семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России» признана лучшим фантастом, в 2019-м – лучшим прозаиком. Выпустила сборник рассказов «Мариуш» (2018). Пятикратный победитель Всероссийского конкурса сочинений «Как я писал “Тотальный диктант”» (в том числе в соавторстве), в 2019 году была «диктатором» акции в Новотроицке. Публиковалась в журнале «Гостиный дворь», в сборниках «Лигр» по мирам М. и С. Дяченко (Эксмо, 2019), «ARONAXX I: альманах приключенческих и детективных рассказов» (Перископ-Волга, 2019), а также «Происхождение мрака: антология русского хоррора» (Перископ-Волга, 2019). Победитель ежегодного областного конкурса «Золотая молодежь Оренбуржья».

Вышли в серии «Новые имена»

Михаил Червяков. «Мальчик-поэт». Стихи

Татьяна Севрюкова. «Истории о...». Рассказы

Елена Смирнова. «За чашкой горячего чая». Рассказы